

бенку». Главный акцент был сделан на «раскрытие» образа «крепостника-помещика» и «обер-вешателя»²⁵. Что же касается реализации столыпинской программы, то она рассматривалась как в конечном счете провальная.

В отличие от дореволюционного периода, в 1920-е — 1950-е годы произошло сужение исследовательского поля. Теперь изучение столыпинской политики неизбежно сводилось к аграрной реформе, которая, «естественно», потерпела неудачу, что обуславливалось «реакционностью» правительственного курса. П.И. Лященко начал свой очерк, посвященный экономической политике в 1905—1911 гг., как раз с определения «реакционной сущности» кабинета Столыпина, который прославился «в глазах царя и черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами». Целью царского правительства было создание массовой опоры самодержавному режиму в виде крестьянства. Это была ставка на «кулака», упрочение положения которого означало нарастание классового антагонизма в деревне. Таким образом, столыпинская реформа «имела своим следствием подготовку крестьянства к новым революционным выступлениям»²⁶. Сходным образом С.М. Дубровский доказывал ограниченность и фактическую реакционность столыпинской аграрной реформы. По мнению исследователя, «пруссский путь» не мог быть реализован в России. Дубровский доказывал, что в годы «столыпинщины» кучка кулаков и зажиточных середняков разбогатела. Это произошло за счет разорения основной массы крестьянства. В итоге «сдвиги по пути капиталистического развития» способствовали нарастанию социальной напряженности в деревне, которая все яростнее протестовала против помещиков и крепостнических пережитков²⁷. Весьма информативная, снабженная многочисленными таблицами и схемами работа Дубровского существенно повлияла на дальнейшие исследования в области аграрных преобразований правительства Столыпина²⁸.

В 1960—1980-е годы исследовательское поле несколько расширилось. Авторы начали обращаться к новым сюжетам (например, взаимоотношениям правительства с Думой, Государственным советом, политическими партиями, реформе местного управления), к новым, прежде неизвестным архивным источникам. Тема столыпинских реформ далеко вышла за «московско-ленинградские» рамки²⁹. И все же каноны «столыпиноведения» оставались в целом незыблемыми. В 1960-е годы А.Я. Аврех разоблачал «бонапартистскую» политику лавирования Столыпина. По мнению историка, премьер создал подконтрольную правительству Думу и планировал «дирижировать нестройным третьеиюньским оркестром». «Этот бывший предводитель дворянства и губернатор, претендент в российские Бисмарки, “новый человек”, как его окрестила помещичье-буржуазная контрреволюция, подготовил себя к этой роли всей своей предыдущей деятельностью: крестьянскими экзекуциями, военно-полевыми судами, еврейскими погромами, “конституционными” переговорами с октябристско-кадетскими “либералами”. Ярый реакционер, он любил прикрываться лощеной “европейской” фразой и позой»³⁰. Впоследствии Аврех характеризовал столыпинские проекты преобразования как «куцые», которые не могли вывести Россию из состояния кризиса. По мнению исследователя, страна нуждалась не в реформах, а в Реформе, предполагавшей скорое и радикальное изменение всех сфер жизни человека. Конечно, такая Реформа была не по силам отжившему режиму, что в свою очередь предполагало неизбежность революционного поворота³¹. Значительно более сдержанные оценки содержатся в работах В.С. Дякина. Он рассматривал столыпинский кабинет как самостоятельную политическую силу, действовавшую в контексте партийной борьбы начала XX века³². По мнению Дякина, Аврех ошибался, ставя знак равенства между интересами царизма и помещиков. В действительности они существенно расходились. «Самодержавный лагерь» не был монолитным, его раздирали противоречия. Столыпин участвовал в этой борьбе, осознавая необходимость не только репрессий, но и реформ. В отличие от «крепостников», доминировавших в ближайшем окружении императора, он делал ставку на кулака, который должен был стать социальной базой слабеющего режима. При этом, с точки зрения Дякина, большинство столыпинских реформ провалилось. Аграрная реформа тоже оказалась неуспешной, так как проводилась «поспешно и насильно»³³. Точно так же и Ю.Б. Соловьев реконструировал многомерную картину политической борьбы 1900-х годов, которую невозможно понять, игнорируя глубинные противоречия между различными кругами господствующей элиты³⁴.

П.Н. Зырянов в своем диссертационном исследовании³⁵ впервые ввел в научный оборот и подробно разобрал проекты реформы местного управления и самоуправления, предложенные столыпинским правительством. По мнению исследователя, эти преобразования были направлены на